

АЛЕКСАНДР АБРОСИМОВ

КОГДА ЗАЦВЕТАЕТ СТАРАЯ СИРЕНЬ

Александр Абросимов

Когда зацветает старая сирень

<https://litres.ru/74194794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она бежит от любого звука, прячась в тишине старого сада и твердой уверенности, что сердце должно спать подо льдом. Он врывается в её мир с запахом свежего дерева и опилок, заявляя, что умеет лечить замерзшие души тяжелым трудом и горячим чаем. Но цена этого спасения — бракованный контракт: он должен воскресить мертвый сад её семьи, пока она не научится снова дышать. Когда почерневшие ветви вдруг дадут первые зеленые побеги, на пороге появится тот, кого она похоронила в прошлом. Мужчина, предлагающий идеальную безопасность взамен на живые чувства. Ей предстоит сделать невозможный выбор: променять гарантированную пустоту на непредсказуемый огонь, способный либо сжечь дотла, либо наконец согреть. Хватит ли смелости выбрать трещину в собственном сердце?

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Зимний наст	7
Глава 1. Привкус ржавчины	7
Глава 2. Геометрия несогласия	11
Глава 3. Сосны и тени	22
Глава 4. Письма в столе	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Абросимов

Когда зацветает старая сирень

Пролог

Ноябрь в этом году выдался бессовестно сырым. Дождь не шел — он висел в воздухе густой, тяжелой взвесью, пропитывая одежду насквозь за первые же пять минут. Анна стояла по колено в почерневшей, осклизлой листве старого дачного сада и рубила сирень.

Тяжелый садовый секатор ходил туго, поскрипывая заржавевшим суставом. Каждое движение отдавалось тупой болью в пояснице и ладонях, которые давно забыли мозоли. Она срезала сухие, мертвые стволы под самый корень, безжалостно выкорчевывая память. Бабушка называла этот сорт «Алексей Маресьев» за его поразительную живучесть, но этой осенью даже железный летчик сдался сырости. Сад умирал вместе со своей хозяйкой, превращаясь из места силы в глухой бурелом.

Лезвие соскользнуло с очередного узловатого пня и уда-

рило по жесткой коре старой яблони. Брызнула древесная крошка. Анна отдернула руку, сунула палец в рот. Во рту стало солоно. Кровь смешалась с дождем. Она прислонилась лбом к холодному, влажному стволу, пытаясь отдышаться. Легкие горели от холодного воздуха. В кармане телогрейки тяжело перекатывался какой-то предмет. Пальцы сами нащупали холодный металл.

Это был старый дедовский перочинный нож. Тяжелая латунь потемнела до цвета запекшейся крови, а на треснувшей костяной накладке едва читались инициалы «П.В.». Дед никогда с ним не расставался, правил им карандаши для чертежей и чинил лодки. После его смерти мать убрала нож в дальний ящик комода, сказав, что железо помнит слишком много чужой усталости. Анна нашла его только вчера, когда разбирала вещи перед окончательной продажей московской квартиры.

Она щелкнула лезвием. Оно вышло туговато, с сухим металлическим шорохом, открыв узкую полоску тусклого, равнодушного блеска. Хорошая сталь. Не сломалась, не сгнила, просто ждала своего часа среди пыльных простыней и старых фотографий.

Анна посмотрела на свои руки — красные, дрожащие от напряжения, покрытые сеткой мелких царапин. Посмотрела

на поверженные кусты сирени, которые еще утром казались ей непроходимой стеной отчаяния. Мертвый сухостой лежал ровными рядами, обнажив черную, дышащую паром землю. Это была не смерть. Это было вскрытие. Болезненная, необходимая операция, чтобы весной здесь хоть что-то смогло прорасти.

Она закрыла нож и крепко сжала его в кулаке. Холод металла отрезвлял лучше любого кофе. Где-то высоко в голых ветвях запутавшегося жасмина слабо звякнул забытый скворечник. Звук получился неожиданно чистым, почти музыкальным в этой ватной тишине. Первый живой звук за долгие месяцы ее личного ледникового периода. Анна глубоко вдохнула запах прелой листвы, мокрой коры и собственной надвигающейся весны. Вытирать кровь о штаны она не стала. Пусть будет метка. Напоминание о том, что даже мертвую плоть можно отделить от живого ствола, если найти в себе силы взяться за рукоять.

Часть 1. Зимний наст

Глава 1. Привкус ржавчины

Колючая проволока, которой прежние хозяева пытались удержать от расползания малинник, вросла в старый штакетник намертво. Анна дернула на себя очередной виток, и стальная нить с хищным визгом лопнула, вспоров жесткую кожу на костяшках пальцев. Брызнуло красным — густым, почти черным на фоне серого ноябрьского неба. Боль ударила резко, до звезд перед глазами, выбивая из головы привычную вязкую тоску.

Она машинально сунула руку в карман телогрейки, пачкая подкладку, и прижала рану к сухой ткани. Кровь текла медленно, теплая, оставляя во рту отчетливый привкус железа и застарелой пыли. Странно, но именно эта физическая боль оказалась спасательным кругом. Она была настоящей, требующей внимания здесь и сейчас, а не той фантомной пустотой, что поселилась под ребрами после развода и тянулась неделями без цвета и запаха. В пустой груди хотя бы перестало гудеть.

Именно в эту секунду тишину разорвал чужой звук. Низкий, вибрирующий рык дизеля, совершенно неуместный в замершем дачном поселке. К воротам ее дома, тяжело пере-

валиваясь на колее, подъезжал выдавший виды синий фургон. Из кабины вывалился мужчина. Высокий, широкоплечий, одетый в какую-то невозможную для поздней осени тонкую кожаную куртку. Он хлопнул дверью так, словно пытался прибить комара, и оглядел мертвый сад хозяйским, оценивающим взглядом.

Илья замерз еще на подъезде к поселку, пока искал нужный поворот по треснувшему экрану старого навигатора. Заказ на реставрацию рам он взял больше от скуки — зимние вечера в мастерской давили глухим одиночеством, хотелось движения, чужих стен, чужой истории. Дом встретил его звенящей пустотой и запахом мокрой земли. Хозяйка стояла спиной у забора, похожая на нахохлившегося черного грача. Вся ее фигура кричала: «Не подходи».

— Рамы привез, — крикнул он через весь участок, пытаюсь перекрыть шум ветра в голых яблонях. Голос сорвался на хрип. — Примете?

Анна обернулась. Лицо у нее было бледное, обветренное, с резкой складкой между бровей. Глаза смотрели сквозь него, куда-то в сторону покосившейся теплицы. Она молча кивнула и пошла к дому, стараясь держать раненую руку за спиной. Илья спрыгнул в грязь, разминая затекшую поясницу. От него пахло бензином, морозом и чем-то терпким, древесным — сандалом или старым кедром.

Он открыл заднюю дверь фургона. Деревянные ящики стояли плотно, перетянутые желтыми стропами. Старинное

красное дерево, которое заказчик просил просто освежить лаком, но Илья уже видел внутренним взором, как снимет этот убивающий красоту пластик, обнажит фактуру, вдохнет жизнь в мертвую древесину. Он вытащил первый ящик, тяжелый, неподатливый. Пальцы мгновенно онемели от холода металла.

Они столкнулись прямо на середине тропинки, выложенной щербатой плиткой. Ящик оказался слишком широким, обзор закрыло. Анна отступила на шаг, чтобы пропустить громоздкую ношу, и наткнулась плечом на его предплечье. Касание вышло случайным, неловким — грубая кожа его куртки скользнула по тонкой шерсти ее свитера.

Мир выключился на долю секунды.

Для Ильи это был ожог. Сквозь плотную ткань пробилось такое концентрированное, запертое годами тепло женского тела, что перехватило дыхание. Ему захотелось убрать ящик, развернуть ее к себе и просто стоять так, впитывая этот жар. Для Анны прикосновение сработало как короткое замыкание. Ее личное пространство, тщательно охраняемое двухметровой дистанцией от любых живых существ, оказалось взломано беззвучно и нагло. Нервы вспыхнули паникой. Ей физически захотелось побежать к рукомойнику, тереть кожу хозяйственным мылом до красноты, смыть с себя этот внезапный, пугающий импульс жизни.

Оба отшатнулись друг от друга, словно коснулись оголенного провода. Между ними повисло тяжелое, потрескива-

ющее молчание, пахнущее кровью, соляжкой и растерянностью.

— Тридцать две тысячи, — хрипло выдавил Илья, протягивая ей планшет с накладной. Пальцы их соприкоснулись второй раз — холодная гладкость экрана встретила с влажной, липкой тканью кармана.

Анна вложила деньги в его ладонь, стараясь не смотреть на свое темное пятно на его коже. Сдачу она брать не стала. — Оставьте себе. На чай. За доставку в такую даль.

Это прозвучало жалко. Как попытка откупиться от вторжения. Илья сглотнул, спрятал купюры в карман джинсов, даже не пересчитав, и снова взялся за ящик. Когда он выпрямился, Анны у калитки уже не было. Только на сырой земле темнела одна-единственная капля крови, которую тут же слизал начавшийся мелкий дождь.

Глава 2. Геометрия несогласия

Внутри дом пах старыми книгами, остывшим чаем и крахмальной чистотой — тем специфическим запахом одиночества, когда человек поддерживает порядок не для себя, а на зло пустоте. Илья занес ящик с рамами в гостиную, стараясь ступать тяжело, чтобы гулкое эхо его шагов разрушило эту музейную тишину. Анна шла следом, держась у самого дверного косяка. Она двигалась по собственному дому так, словно была здесь гостьей, случайно зашедшей на чашку воды.

Рамы стояли вдоль стены, укрытые серым полотном. Пять штук. Высокие, почти под потолок, из потемневшего от времени красного дерева. Они выглядели как вдовы на похоронах: строгие, скорбные, закованные в несколько слоев густого, пожелтевшего от старости лака. Заказчик хотел просто обновить покрытие, но дерево задыхалось под этой пластиковой коркой.

— Лак нужно снимать полностью, — произнес Илья, сбрасывая рюкзак на пол. Звук получился неприлично громким. — До голой пульпы. Ваш реставратор предлагал шлифовку сверху, это убьет рисунок волокон.

Анна скрестила руки на груди. Вязаный свитер ручной работы сползал ей на плечо, обнажая тонкую ключицу.

— Рисунок волокон важен только вам, мастер. Заказчику нужна сохранность геометрии и бюджет. Снимете старый лак — рама поведет. Дуб вздуется, бук треснет. Вы оставите мне пять дырявых прямоугольников вместо антиквариата.

Илья медленно повернулся к ней. Он привык спорить с древесиной — она капризна, но честна. Эта женщина была похожа на мореную доску: такая же твердая, холодная и абсолютно непроницаемая. В ее словах звучала безупречная архитектурная логика Виктора, мужа Анны, о котором он уже успел собрать обрывки слухов от болтливых соседей. Логика чертежа, где нет места погрешности живого материала.

— Дерево ведет не от смывки, — Илья подошел к центральной раме и постучал костяшками пальцев по резному навершею. Звук был глухим, мертвым. — Его ведет от страха. Когда мастера боятся дышать на вещь, они заливают ее эпоксидкой и лаком слоями. Красота требует риска. Вы боитесь снять верхний слой, потому что думаете, что под ним гниль. А там может быть золото.

Анна дернула углом рта. Это нельзя было назвать улыбкой — скорее, нервным тиком усталости.

— Золото не греет в январе, господин столяр. Греют стек-

лопакеты и отсутствие сквозняков из щелей, которые вы своим «риском» создадите. Я плачу вам деньги за результат, который можно измерить рулеткой, а не за поэтические категории. Мне нужны рамы, а не ваши экзистенциальные прозрения о природе вещей.

Слово «столяр» она выплюнула как ругательство. Для нее ремесленник был кем-то вроде сантехника — человеком функции, обслуживающим персоналом, чьи чувства не должны мешать работе механизма. Но Илья услышал в этом другое. Так называли тех, кто делает табуретки для кухни. Он же работал с душой дерева, вытаскивая наружу истории чужих семей, запертые в дубе и орехе.

— Экзистенциальные прозрения стоят дороже вашей рулетки, — Илья оперся бедром о подоконник, намеренно принимая расслабленную, небрежную позу, чтобы вывести ее из себя еще сильнее. — Знаете, почему ваш сад выглядит как братская могила? Потому что вы пытаетесь управлять зимой. Вы хотите, чтобы ветки росли строго под углом сорок пять градусов, а листья падали по линейке. Жизнь так не работает. Она прорастает сквозь асфальт вопреки вашим замерам.

Тон разговора сменился. Воздух в комнате перестал быть прозрачным, он загустел, наполнился статическим электричеством. Интеллектуальная дуэль перешла границу вежли-

вого обмена мнениями. Теперь это были две армии, выстроившиеся по разным берегам замерзшей реки.

Анна побледнела так, что веснушки на переносице стали казаться черными. Сад был её единственной уязвимостью, местом памяти о бабушке, единственным живым существом, которому она позволяла быть некрасивым.

— Не смейте трогать мой сад, — голос ее упал до шепота, но этот шепот ударил по барабанным перепонкам сильнее крика. — Мои отношения с яблонями вас не касаются. Если вы не способны отличить шеллак от полиуретана без лирических отступлений, нам не о чем разговаривать. Забирайте свои опилки и покиньте территорию.

Она сделала шаг к двери, жестом указывая на выход. Это был конец. Илья понял, что если сейчас выйдет, то потеряет не только заказ на смешные тридцать тысяч, но и единственный шанс пробиться через эту стену из высокомерного льда. Ему вдруг стало жизненно необходимо увидеть, как меняется выражение этих глаз, стоит ему сказать правильную вещь. Или неправильную — лишь бы перестала смотреть на него как на пятно на стерильной скатерти.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился он, отталкиваясь от подоконника. — Давайте измерим красоту. Прямо сейчас.

Он прошел мимо нее, задев плечом. На этот раз касание было намеренным, плотным, лишенным неловкости первого столкновения. Илья взял со стола тяжелую латунную линейку, которой пользовалась еще бабушка Анны — настоящий аршин с клеймом демидовских заводов.

— У окна температура восемнадцать градусов, — начал он ровным, лекторским тоном, обходя комнату по периметру. — Влажность двадцать процентов. Дерево сохнет. Оно будет трескаться, сколько бы слоев вашего идеального пластика вы ни нанесли. Чтобы сохранить геометрию, которую вы так любите, мне придется вклеить внутрь три скрытых стальных шины. Рамы станут тяжелее на четыре килограмма каждая. Ваши старые петли их не удержат, сорвет вместе со штукатуркой. Нужно менять фурнитуру. Плюс восемьдесят тысяч к смете.

Анна замерла. Скрытая агрессия исчезла, уступив место профессиональному недоумению. Он говорил фактами, сухими цифрами, бьющими точно в цель. Четыре килограмма лишней нагрузки — это действительно проблема для старого финского бруса стен.

— У меня нет лишних восьмидесяти тысяч, — процедила она, снова скрещивая руки, будто защищаясь.

— Я знаю, — Илья положил линейку на стол. — Поэтому мы переходим к бартеру. К поэзии. Которую вы презираете.

Он смотрел на нее в упор, не давая отвести взгляд. Солнечный луч, редкий для ноября, наконец прорвался сквозь свинцовые тучи и упал на его лицо, высвечивая мелкие морщинки в уголках глаз. Глаза у него оказались цвета крепкого чая, на дне которого плавит сахар.

— Мой грузовик жрет солярку. Ваша калитка перекосилась настолько, что я едва въехал во двор, содрав краску с борта. Замок промерз. Вы чините мою машину, восстанавливаете геометрию моего кузова, а я вкладываю эти восемьдесят тысяч в железо для ваших рам. Бесплатно. И делаю работу так, как считаю нужным — со смывкой, риском и золотом внутри. По рукам?

Это было безумие. Анна смотрела на этого шумного, слишком большого для её гостинной человека и пыталась найти подвох. Он давил на неё, вторгался в границы, диктовал условия, используя логику против её интуиции. Любой здравый смысл кричал, что нужно выставить его вон, сменить замки и забыть имя. Но впервые за полгода кто-то предложил ей не жалость, не утешение, а сложную задачу. Вызов. Спор на равных.

— Вы невыносимы, — выдохнула она, чувствуя, как предательски теплеют скулы. — Вы хоть понимаете, что лезете в чужой монастырь со своим уставом? Моя машина — это восстановленный «Москвич», там инжектором и не пахло. Вы угробите двигатель.

— Значит, будете толкать, — ухмыльнулся Илья. — Зато какая физическая нагрузка. Отвлечетесь от мыслей о том, какой стороной падают листья.

Анна закрыла глаза. Молчание, которое висело между ними минуту назад, было тягучим, как смола. Сейчас оно стало звенящим, острым. Ей нужно было разбить эту тишину любой ценой, иначе она сойдет с ума от давления собственной выдержки.

— Сад, — сказала она внезапно, открывая глаза. Голос стал опасно тихим, вкрадчивым. — Раз уж мы играем в бартер и поэзию.

Илья напрягся, уловив перемену интонации. Хищное предвкушение шевельнулось в животе.

— Что с садом?

— Тот самый погибающий сорт сирени. «Алексей Маресев». Южный склон участка. Он мертв. Засох два года назад после ледяного дождя. Корни сгнили. Если вы такой знаток жизни, которая растет вопреки... Докажите. Сад запущен десятилетиями. Там бурелом, чертополох и глина. Почва убитая. Если вы сможете заставить хотя бы один куст дать почки до мая... — она сделала паузу, наслаждаясь его замешательством. — Тогда я соглашусь на ваши стальные шины. И сварю вам кофе. Настоящий, в турке, а не ту коричневую воду, что продают в банках. Без сахара.

Условие прозвучало абсурдно. Воскресить мертвое растение посреди зимы, в глине, без права на ошибку. Это было математически невозможно. Илья открыл рот, собираясь рассмеяться и признать поражение, но осекся, глядя на её лицо. Она не издевалась. Она ставила блок. Огромный, железобетонный контр предмет: «Ты говоришь о риске? Вот тебе реальный риск, а не твои уютные деревяшки в мастерской. Посмотрим, хватит ли у тебя духу копать мерзлую землю».

Для Ильи это прозвучало не как отказ, а как приглашение на войну. Пылкая натура требовала схватки. Всепоглощающее желание доказать свою правоту вспыхнуло в нем пожаром. Он любил невозможные задачи больше воздуха.

— Май — плохой срок для цветения сирени, медленно

протянул он, прищуриваясь. — Даже живой. Но хорошо. Договорились. Только одно условие взамен.

— Какое? — Анна вскинула подбородок. Свет лампы отразился в её зрачках двумя желтыми точками.

— Никаких перчаток. Будем работать голыми руками. Чтобы чувствовать структуру земли. И никакого «вы». Меня зовут Илья. Тебя — Анна. Геометрия личного обращения тоже должна быть соблюдена, иначе рамы развалятся.

Он протянул ей ладонь. Широкая, покрытая мелкими белесыми шрамами от лезвий и заноз, мозолистая рука. Совершенно неуместный в их интеллектуальном поединке жест первобытного договора.

Анна посмотрела на его руку, потом на свое отражение в темном стекле окна. Бледная, напряженная маска с искусанными губами. Физическая боль от проволоки утром дала передышку, но душевная пустота никуда не делась. Этот странный, наглый человек принес с собой хаос, грязь и запах бензина, но именно этим он выбивал почву у неё из-под ног, заставляя чувствовать себя живой.

Она вложила свою узкую, холодную кисть в его пятерню. Рукопожатие получилось жестким, костяшки хрустну-

ли. Контакт длился секунду, не больше, но Anne показалось, что её пропустили через слабый электрический разряд. Ожог остался внутри.

— Без перчаток, — повторила она, отстраняя руку и демонстративно растирая пальцы, словно стирая следы прикосновения. — Но, если ты сломаешь лопату о корни или померешь от пневмонии, хоронить тебя я не буду. Закопаю прямо под той самой сиренью. Удобрение лишним не бывает.

В её глазах плясали опасные, насмешливые искры. Первый слой льда дал трещину. Илья громко расхохотался, запрокинув голову. Звук заполнил весь дом, отражаясь от высоких потолков, пугая старую пыль. Впервые за долгие месяцы этому месту возвращался объем.

— Заметано, доктор Менгеле, — весело кивнул он, направляясь к выходу. — Завтра в семь утра привезу мотоблок. Попробуем вспахать кладбище.

Дверь за ним захлопнулась, отрезая теплый звук мотора. Анна осталась стоять посреди комнаты одна. Она подошла к стене, провела пальцем по пустой полосе обоев там, где раньше висели те самые рамы. Стена зияла дырками от гвоздей — рваными ранами. Раньше вид этих дыр вызывал у неё приступ тошноты и желания немедленно повесить их старой кар-

той. Сейчас она смотрела на обнаженную кирпичную кладку и впервые за долгое время почувствовала не страх пустоты, а острый, будоражащий интерес к тому, что появится на этом месте. И какую форму примут швы новой штукатурки.

Глава 3. Сосны и тени

Субботнее утро началось не с будильника, а с глухого, утробного рева дизеля под окном ровно в семь ноль три. Анна проснулась за секунду до этого звука — тело, привыкшее спать вполглаза после развода, среагировало на вибрацию земли раньше барабанных перепонок. Она подошла к окну, отодвинула тяжелую штору из набивного хлопка и увидела синий фургон Ильи. Он стоял поперек её идеально расчищенной подъездной дорожки, словно вражеский танк.

Сам Илья уже возился у мотоблока. На нем были выцветший армейский бушлат поверх толстовки, потертые джинсы и резиновые сапоги, заляпанные грязью еще с прошлого сезона. Утренний иней серебрил его жесткие волосы на затылке. Он двигался размашисто, уверенно, абсолютно игнорируя архитектурную сетку участка, которую так ценил Виктор. Там, где бывший муж проложил бы идеальную брусчатку по уровню, Илья просто прокладывал колею там, где мягче земля.

Анна заварила кофе. Густой аромат «Робусты» пополз по кухне, смешиваясь с запахом озона от остывающего двигателя. Она пила его стоя, мелкими глотками, глядя, как чужой

человек хозяйничает на её земле. Это должно было вызывать ярость. По всем законам её внутренней логики это обязано было бесить. Вместо этого она чувствовала лишь странное, щекочущее любопытство, похожее на ожидание грозы.

— Держи! — Его голос ударил в стекло. Илья постучал костяшкой пальца по раме, протягивая ей вторую кружку. Пар поднимался вверх ровным столбиком.

Она вышла на крыльцо, кутаясь в старый шерстяной плед вместо пальто. Холодный воздух тут же впился в голые лодыжки.

— Я не просила варить мне кофе, — сказала она вместо приветствия, принимая горячую керамику. Обжигая пальцы, она инстинктивно переступила с ноги на ногу. Края пледа распахнулись.

— А я не спрашивал, — он отсалютовал своей кружкой. — Сахар вреден для почвы. Ты пьешь без сахара. Значит, твой компост будет чище. Логика.

Он говорил серьезно, но в уголках глаз собрались лукавые морщинки. Анна сделала глоток. Кофе был сварен именно так, как она любила — крепко, с щепоткой корицы, сбивающей горечь. Откуда он знал? Или это была случайность, помноженная на наглость?

Они работали молча до полудня. Мотоблок справлялся только с верхней частью бурьяна, дальше начиналась мертвая зона: переплетение гнилых корней старой сирени, битый кирпич фундамента давно сгнившей теплицы и глина, превратившаяся в камень. Пришлось взяться за штыковые лопаты.

Тяжелый физический труд оказался лучшим переводчиком их вражды в нечто иное. Слова закончились через двадцать минут, когда легкие начали гореть от морозного воздуха, а мышцы заныли от непривычной нагрузки. Теперь они общались звуками: тяжелым сопением, хрустом ломающихся веток, звоном металла о мерзлую землю.

Анна работала сосредоточенно, закусив нижнюю губу до белизны. Илья заметил эту привычку почти сразу. Когда лезвие лопаты натыкалось на невидимый корень или осколок стекла, ее плечи напрягались, спина сгибалась чуть сильнее, и зуб вонзался в плоть. Это было движение абсолютной концентрации и скрытой боли. Ему хотелось подойти, провести большим пальцем по её рту, расправляя складку, но он лишь перехватывал черенок лопаты крепче и бил в ту же точку рядом, выбивая клинья.

Илья дышал иначе. При каждом усилии — рывком, шум-

но втягивая носом холодный воздух и со свистом выпуская его сквозь сжатые зубы. Паровоз. Человек-паровой молот. Он не экономил силы, вкладываясь в каждый удар лопатой целиком, до дрожи в коленях. Пот тек по его вискам, застывая ледяными дорожками на шее.

К обеду площадка перед южным склоном превратилась в поле битвы. Земля была перевернута огромными пластами, обнажая свое темное, жирное нутро. Они стояли друг напротив друга, тяжело опираясь на черенки лопат, как на посохи паломников. Между ними было метра два мокрой, дымящейся паром земли.

— У тебя мозоли пойдут, — хрипло бросил Илья, кивнув на её руки. Перчатки она действительно отвергла сразу, заявив, что резина мертвит тактильность. Сейчас её ладони представляли собой сплошную красную ссадину, покрытую черной каймой въевшейся грязи. Кровь запеклась в линии жизни.

— Твои заботы впечатляют, — парировала Анна, слизывая капельку пота с верхней губы. Соленая. — Особенно учитывая, что завтра ты уедешь в свою теплую мастерскую стругать табуретки, а я останусь здесь одна с этой свежевспаханной могилой.

— Табуреток не строгаю, — обиделся он совершенно по-детски. Дыхание постепенно выравнивалось, возвращая ему способность говорить длинными фразами. — Я делаю соединение ласточкин хвост. Нагрузка на срез распределяется иначе. И никуда я не уеду. Сегодня будем готовить ямы под посадку. Если повезет, успеем пролить почву гуматами до темноты.

Его уверенность пугала. Он вел себя так, будто сад уже спасен, осталось лишь поставить финальную подпись в акте приемки работ. Эта всепоглощающая энергия вытесняла из Анны привычную апатию. Рядом с ним невозможно было думать о том, какой пустой кажется кровать по утрам. Приходилось думать о рычаге, весе грунта и балансе собственного тела.

В этот момент тишину нарушил сухой кашель.

У калитки стояла Зинаида Павловна с третьего участка. Боевая старушка восьмидесяти лет, местный центр сбора разведданных, председательница клуба «А поговорить». В руках она держала эмалированное ведро, накрытое марлей, из-под которой торчали перья зеленого лука — предлог визита.

— Доброе утречко, соседushка, — пропела она медовым голосом, который обычно предвещал локальный апокалип-

сис для репутации. — А я смотрю, техника какая-то... Думала, опять таджиков наняла копать под фундамент новой бани. Ан нет.

Её взгляд, острый как цыганская игла, скользнул мимо Анны и намертво прилип к фигуре Ильи. Оценивающе прошлась по широким плечам, задержалась на мощном развороте грудной клетки, блестящей от пота под расстегнутым бушлатом.

Анна почувствовала, как внутри всё оледенело. Привычный спазм стыда за то, что кто-то видит её неприбранной, в старых трениках, с грязным лицом, скрутил желудок. Обычно при появлении соседей она каменела, превращаясь в вежливую статую, отвечающую односложно. Но сейчас произошло нечто иное. Инстинкт сработал быстрее разума.

Прежде чем она успела осознать движение, её плечо коснулось плеча Ильи. Не сильно, едва уловимо, сквозь слои грубой ткани. Просто смещение центра тяжести на полградуса вправо. Словно флюгер повернулся по ветру чужого любопытства. Илья, подчиняясь той же внезапной гравитации, сделал полшага навстречу ей, закрывая своим корпусом обзор Зинаиде Павловне. Теперь они стояли плечом к плечу, единым фронтом против вторжения.

— Здравствуйте, Зинаида Павловна, — голос Анны прозвучал ровно, даже слишком ровно. — Это Илья. Мастер по дереву. Помогает с расчисткой южной стороны, грунт тяжелый, сама не тяну спину.

Она говорила правду, но интонация выстроила между словами крепостную стену. Никакой благодарности в голосе, никакой женской беспомощности. Только констатация факта найма подрядчика.

Зинаида Павловна разочарованно моргнула. Картинка не сходилась. Одинокая замороженная библиотечарша и матерый, пахнущий соляркой мужик, которые стоят так близко, что воробей не пролетит, и говорят о спине и грунте. Сплетня буксовала, не находя зацепок.

— А-а-а, — протянула соседка, явно пытаюсь найти изъян. — Ну-ну. Помощник, значит. Дело молодое... Лук-то возьмешь? Свой, без химии.

— Спасибо, позже занесете, мы заняты, — отрезала Анна, даже не поворачивая головы. Её рука все еще лежала на черенке лопаты в миллиметре от руки Ильи. Кончики пальцев начало покалывать от близости.

— Ну-ну, — повторила Зинаида Павловна в третий раз,

окончательно сдаваясь. Развернуться и уйти просто так гордость не позволяла. Она демонстративно громко вздохнула, демонстрируя мировую скорбь. — Копайте-копайте. Только арматуру глубоко бейте, а то знаю я этих помощников, тяп-ляп сделают, деньги возьмут, а весной забор завалится. Бы-вай, Лешкина невестка.

Калитка скрипнула, закрываясь. Звук показался пушечным выстрелом, разрывающим вакуум.

Иллюзия пары рассыпалась. Анна резко отстранилась, словно обожглась. Пространство между ними снова стало измеримым, враждебным, полным невысказанных слов. Она судорожно выдохнула, только сейчас поняв, что задерживала дыхание весь разговор с соседкой.

— Арматура, — пробормотал Илья, проводя рукой по лицу и размазывая грязь по скуле. Он выглядел ошарашенным, но довольным. — Забор у неё сам по себе пьяный стоит, туда хоть рельсу вбей. Испугалась, что ли?

— Не говорите глупостей, — Анна отвернулась к вспаханному участку, пряча вспыхнувшие уши. — Она приняла вас за шабашника, которого я решила обмануть на оплате, сославшись на больную спину. Классическая схема экономии бюджета вдовой. Ничего личного.

Но голос дрогнул на последнем слове. Илья усмехнулся, снимая бушлат и оставаясь в одной мокрой насквозь майке. Солнце наконец-то прорвало свинцовую пелену облаков, залив южный склон ослепительным, почти весенним светом. Золотые лучи запутались в серебряной щетине на его подбородке.

— Как скажете, доктор Менгеле, — легко согласился он, вонзая лопату в землю с такой силой, что та ушла по самый упор. — Хотя для шабашника я слишком хорошо варю кофе. Копаем дальше. Гуматы сами себя в лунки не залиют.

Он вернулся к работе, насвистывая что-то ритмичное, оставляя Анну стоять с горячим ведром зеленого лука в руках. Внутри плескалась растерянность. Весь день она играла роль холодной, расчетливой работодателя, но тепло его плеча сквозь мокрую ткань до сих пор жгло кожу, напоминая, что стены рушатся гораздо легче, чем замерзшая глина. Иллюзия длилась всего минуту, но этого хватило, чтобы понять: одиночество в этом доме больше не казалось таким уж надежным укрытием.

Глава 4. Письма в столе

Ночь опустилась на дом внезапно, словно кто-то выключил свет во всем мире разом. Илья уехал только к шести вечера, когда последние лучи солнца окрасили вспаханную глину в цвет запекшейся крови. Он оставил после себя запах мужского пота, дешевого табака и гул в стенах от работы мотоблока. Анна заперла за ним тяжелую дубовую дверь на два оборота, задвинула массивную щеколду, жест, ставший автоматическим со времен ухода Виктора, и впервые за день позволила себе расслабить плечи.

Мышцы ныли тупой, сладковатой болью человека, который вспомнил, что у него есть тело. Вода в душе была почти ледяной — старый котел не справлялся с объемом, но именно холод окончательно смыл физическую усталость. Чистое махровое полотенце пахло лавандой и пустотой. Она накинула на голые плечи старую шерстяную кофту отца. Рукава оказались длинны, скрывая кисти рук полностью. Защита. Кокон.

Спускаться вниз, где Илья варил кофе и громко гремел чайником, она отказалась под предлогом головной боли. На самом деле ей просто нужно было вернуть себе стены. Ощу-

щение его присутствия в её спальне, пусть даже он просто пронес мимо ящик с инструментами, ощущалось как нарушение государственной границы. Ей требовалось время, чтобы заново выстроить баррикады из одиночества.

Анна спустилась в кабинет на первом этаже. Здесь царила библиотечная тишина. Массивный письменный стол красного дерева занимал центр комнаты. Наследство матери.

Она выдвинула средний ящик. Под стопкой старых счетов за электричество и просроченных страховых полисов лежала плоская металлическая шкатулка, перевязанная выцветшей атласной лентой цвета бордо. Прах к праху. Боль к боли.

Внутри не было бриллиантов или фамильных колец. Только бумага. Плотная, пожелтевшая по краям почтовой карточка и несколько тонких школьных тетрадей в клетку. Предсмертные письма матери. Не одна драматичная записка, а целая хроника распада личности. Мать писала их три месяца, пока рак жрал ее изнутри, отправляя страницы отцу, который уже жил с другой женщиной и отказывался брать трубку.

Анна села в скрипучее кожаное кресло. Достала верхний лист. Чернила кое-где расплылись от высохших слез, хотя мать всегда презирала слабость.

«Сашенька (отец), я знаю, что ты это прочтешь. Ты всегда

любил читать чужие дневники, еще когда рылся в моем столе в институте. Я умираю некрасиво. У меня выпадают волосы ключьями, а медсестра пахнет жареным луком. Сегодня врач сказал, что метастазы пошли в позвоночник. Знаешь, о чем я жалею? Не о том, что ухожу. А о том, что так и не научилась быть счастливой, пока могла. Когда твоя мать подарила нам ту путевку в Гагры, я всю дорогу думала о протекающем кране на кухне. Я выбирала кран, Саша. Я выбрала протечку вместо моря. Не повторяй моей глупости».

Анна провела пальцем по строчкам. Буквы прыгали. Мать умерла двадцать лет назад, но письмо до сих пор излучало радиоактивный ужас перед жизнью. Перед необходимостью выбирать радость.

Анна подняла глаза на окно. За стеклом качалась ветка старой яблони. Утром они с Ильей спиливали сухие сучья, и один раз их руки соприкоснулись на рукоятке пилы. Просто передача инструмента. Но тепло чужой ладони сквозь грубую кожу перчатки запомнилось коже фантомным ожогом.

Она вдруг увидела себя со стороны — глазами покойницы. Та же привычка складывать счета идеально ровной стопочкой. Тот же страх оставить грязную чашку в раковине, потому что «что обо мне подумает прислуга» или «это неприлично». То же бегство в работу при малейшем признаке чьей-то привязанности. Мать сбежала в болезнь, потому

что это был единственный легальный способ перестать чинить этот чертов кран. Анна сбежала в реставрацию мертвых вещей и развод, потому что живой Виктор требовал ужинов, совместных планов отпуска и детей. Живой человек требовал участия. Мертвые рамы были безопасны. Они никогда не попросят сварить им кофе в семь утра.

Осознание ударило под дых, выбивая воздух. Она копировала сценарий. Дословно. По буквам. Выбирала протечку вместо моря. Холод липкими пальцами прошелся вдоль позвоночника. Впервые за эти годы ей стало страшно не от одиночества, а от того, насколько оно было комфортным. Насколько родным.

Тетрадь выскользнула из ослабевших пальцев и упала на толстый персидский ковер с глухим стуком. Раскрылась на середине. Анна не стала поднимать её сразу. Пусть лежит. Это улика. Обвинительный акт.

Она просидела в кресле до полуночи, слушая, как старый дом трещит бревнами, оседая от холода. В животе поселился тяжелый, холодный камень. Есть не хотелось. Хотелось раствориться. Стать частью этой книжной пыли, навсегда избавившись от необходимости чувствовать.

Илья вернулся без четверти двенадцать.

Он забыл на верстаке в гостиной свой блокнот — толстую черную книжицу в твердом переплете, куда записывал замечания, номера партий древесины и расчеты нагрузок. Без нее завтрашний день превращался в хаос. Возвращаться ночью в пустой дом, где тебя едва терпят, было неловко, но чертежи звали сильнее вежливости. Он открыл дверь своим старым дубликатом ключа — Анна дала его утром, чтобы он мог занести инструменты, пока она спит. Тогда этот ключ казался просто куском металла. Сейчас, поворачиваясь в скважине, Илья чувствовал себя взломщиком.

Дом встретил его темнотой и запахом озона — видимо, включали обогреватель. Он ступал мягко, стараясь не касаться перил, которые предательски скрипели. Свет из-под двери кабинета падал на пол коридора тонкой желтой полосой. Щель. Источник звука.

Илья замер. Голоса не было, только тяжелое, прерывистое дыхание, похожее на сдерживаемые рыдания. Любопытство, густо замешанное на тревоге, подтолкнуло его вперед. Он подошел к щели. Заглянул внутрь одним глазом, боясь выдать свое присутствие скрипом половицы.

Картина, открывшаяся ему, разрушала всё, что он успел придумать об Анне за этот день. Днем она была язвительной ведьмой с лопатой, снежной королевой с ведром гума-

тов. Женщина, которая командовала мужиком в два раза шире её в плечах.

Сейчас в кресле сидела маленькая, сгорбленная девочка. Плечи тряслись в беззвучном ритме. Рядом на ковре валялась раскрытая школьная тетрадь. И та самая фотография, которую он мельком видел на каминной полке: молодая женщина с тяжелым взглядом и ребенок лет пяти с испуганными оленьими глазами. Анна. Настоящая.

Илья сделал шаг назад, собираясь тихо ретироваться, забрать блокнот завтра через соседку. Вторгаться в такое горе ножом для масла и расчетами балок казалось святотатством. Он уже развернулся, наступив на сухую веточку, занесенную на подошве. Раздался сухой, громкий треск. Как выстрел стартового пистолета в храме.

Анна вскинулась в кресле мгновенно. Рефлекс загнанного зверя. Глаза, секунду назад залитые слезами, стали абсолютно сухими, прозрачными и острыми, как битое стекло. Она схватила со стола тяжелое пресс-папье из бронзы. Сжала его побелевшими костяшками.

— Кто здесь? — голос прозвучал низко, горлом, лишенным всякого человеческого тепла.

Сердце Ильи пропустило удар, провалившись куда-то в

желудок. Страх, исходящий от неё, был физически ощутим. Это был не испуг нежной барышни от мышинного писка. Это был животный ужас женщины, которая ждет удара и готовится продать свою жизнь максимально дорого.

— Это я, — Илья шагнул в полосу света, поднимая руки ладонями вверх. Универсальный жест капитуляции. — Я... за блокнотом. Оставил на столе. Вот ключи. Я положу их здесь. Извини. Не хотел пугать.

Он говорил медленно, отделяя слова друг от друга, как дефибриллятор — разряд за разрядом. Видел, как палец на бронзовой штучковине чуть дрогнул. Уже хорошо. Не бросит.

Взгляд Анны метнулся от его лица к тетради на полу. Лицо исказилось судорогой чистого, незамутненного стыда. Так дети пытаются спрятать разбитую вазу, делая вид, что она сама упала. Она попыталась закрыться рукой, дернуться, скрыть написанное, но ноги не слушались — мышцы свело от долгого сидения в одной позе.

Илья посмотрел вниз. Взгляд зацепился за раскрытую страницу. Детский почерк, прыгающие буквы. Он не соби-рался читать. Но мозг сам выхватил фразу, напечатанную лазерным принтером поверх рукописного текста — видимо, копия старого документа:

«...метастазы в позвоночнике. Медсестра пахнет луком...»

Воздух в комнате стал густым, как смола. Интимность момента превратилась в насилие. Илья увидел самое сокровенное, то, что прячут даже от психотерапевтов. Скелет в шкафу оказался не просто набором костей, а гниющей, незаживающей раной. Он понял всё и сразу. Понял цену её молчания. Понял, почему она смотрит на горячий кофе как на угрозу национальной безопасности. Мать ушла вот так — словами на бумаге, оставив дочь разбираться с наследством из страха и ржавых водопроводных труб.

Любая другая женщина сейчас закричала бы. Бросила бы пресс-папье. Вызвала бы полицию или просто выгнала вза-шей с проклятиями. Любой другой мужчина отвел бы глаза, пробормотал извинения и бежал бы отсюда, сверкая пятками, спасая собственную неловкость.

Илья поступил иначе. Опаснее. Он сделал ровно один шаг вперед. Медленно, очень медленно опустился на одно колено прямо в мокрую грязь, оставленную его сапогами на паркете. Не ради галантности. Чтобы их глаза оказались на одном уровне. Чтобы не нависать.

— Тяжелый лук, — тихо сказал он, глядя не на бумагу, а прямо в расширенные зрачки Анны. — Моя бабка тоже им

воняла. Когда топила печку старыми газетами. Напоминает нищету, от которой никуда не деться.

Это было абсурдно. Нелепо. Неправильно. Говорить о луковом запахе над письмом о смерти. Но эта бытовая деталь, приземленная и шершавая, сработала лучше любых соболезнований. Она не лечила травму, нет. Она просто заземляла молнию. Показывала, что гроза снаружи, а здесь, внутри, можно дышать.

Пальцы, сжимавшие бронзу, разжались. Пресс-папье глухо стукнуло о столешницу. Звук падения показался оглушительным.

Анна закрыла лицо руками. Не заревела — завывала. Тихо, утробно, содрагаясь всем телом, втягивая воздух сквозь сцепленные зубы. Звук, которого не должно существовать в приличных домах с антикварной мебелью. Звук живого горя.

Илья остался стоять на коленях. Он не трогал её. Не гладил по спине, не шептал «всё будет хорошо» — самую большую ложь на свете. Он просто стоял барьером между ней и дверью, принимая на себя тяжесть её прошлого. Его плечо находилось в десяти сантиметрах от её колена. Достаточно близко, чтобы согреть. Достаточно далеко, чтобы не души.

Прошло минут пять. Или час. Время потеряло вязкость. Вой перешел в судорожные всхлипы, затем в дрожь.

Когда она наконец отняла руки от лица, кожа была свекольной, веки опухли, нос покраснел. Идеальная маска холодной королевы рассыпалась в прах, обнажив беззащитное мясо.

Она посмотрела на свои руки, потом на тетрадь. Затем её взгляд поднялся на Илью. В нем больше не было паники. Там была выжженная пустыня и вопрос.

Илья медленно поднялся, хрустнув больными суставами. Подобрал с пола свой черный блокнот. Листы внутри были чистыми.

— Рамы я закончу к среде, — хрипло произнес он, откашлявшись. Голос сел. — Те, что с резьбой, заберу в мастерскую, там влажность нужна. Сюда привезу готовые коробки в четверг. Деньги переведешь, когда посчитаешь нужным. Спокойной ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.